

МИЯ ВАКИ

高等学校

Я ЖИВА

из-за

ТЕБЯ

18+

Мия Ваки

Я жива из-за тебя

«Автор»

2026

Ваки М.

Я жива из-за тебя / М. Ваки — «Автор», 2026

История о двух "ошибках", знакомых благодаря их матерям. Восемнадцатилетняя Ито Мицуки живёт одна в обычной квартире двухэтажного дома и платит за неё оценками. Она усердно учится, ведь думает, что в будущем это поможет ей поступить в университет и найти хорошую работу, но на деле только уничтожает и всё больше убивает её, потому что она ходит с "мёртвым" взглядом. Игараши Рэнджи парень с, на первый взгляд, плохим образом жизни, ведь он дружит со взрослыми мужчинами, выпивает, курит и ходит в нелегальные клубы. Но за фасадом плохого парня скрывается брошенный отцом мальчик, познавший самостоятельную жизнь слишком рано. Учительница математики Такахашисэнсэй и по совместительству приёмная мать Мицуки говорит помочь Рэнджи наверстать упущенное, чтобы он просто закончил школу и самое интересное начинается именно здесь. Это любовный роман о двух школьниках с атмосферой тёмной романтики.

© Ваки М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 0	6
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мия Ваки

Я жива из-за тебя

Предисловие

Здравствуйте, дорогие читатели платформы Литрес. Книга является молодёжным романом в сеттинге японской школы.

Что встретится в тексте:

1. Неоднозначные главные герои подростки, совершающие ошибки. Как автор я старалась создать максимально живых персонажей, поэтому любить вам их или нет — сугубо ваше решение.

2. Книга не пропагандирует раннюю незапланированную беременность.

3. Персонажи будут употреблять алкоголь, курить сигареты и посещать нелегальные клубы. Текст ни к чему не призывает и является лишь художественным вымыслом для создания вайба "неудобных учеников".

4. Между главными героями будут встречаться моменты "на грани", поэтому если вы младше восемнадцати лет, читайте с осторожностью.

5. Оба главных персонажа являются сломанными детьми и живут так, как умеют.

Глава 0

1999 год

Я не люблю свою мать, и это нормально для меня. Отца у меня нет, а почему, я не знаю — она мне не говорила, какой мужчина был с ней.

Восемнадцать лет я живу под одной крышей с женщиной, которую зовут Хиура Аканэ. Нормальные матери заботятся о своих дочерях, а моя же совсем не такая, поэтому Аканэ я могу назвать своей матерью лишь с натяжкой. Скорее, это женщина, из-за которой я не живу на улице и не умираю от голода.

Моя мать ведёт весьма разгульный образ жизни, порой совершенно забывая, что у неё есть дочь. В свою же очередь не могу сказать, что я примерная школьница. Я чем-то похожа на Аканэ, но не настолько. Я курю с пятнадцати лет, потому что больше общаюсь с парнями, чем с девушками. Да и на самом деле с парнями мне было всегда уютнее, потому что среди этих школьных красоток я всегда чувствую себя какой-то лишней, ведь я никогда не стремилась привлечь внимание мужского пола в целях построения отношений. Однако среди девушек у меня есть только одна подруга — полукровка Морита Сара, у неё две розовые заколки справа. Ей я доверяю больше всего, потому что хоть и она красотка школы, она мне не кажется такой же змейёй, как и остальные.

Я восемнадцать лет учусь в одной школе и вскоре её закончу, чтобы наконец-то свалить от Аканэ и жить в общежитии университета, в который хочу поступить. В начале года наш класс оповестили о Морите Саре, которая перевелась к нам из США. Так как она полукровка, парни смотрели на неё как на предмет экзотики. Ведь как же это круто, когда среди нас есть хафу, с которой много о чём можно поговорить.

Сара быстро стала популярной девочкой, и с ней хотели встречаться почти все парни нашего класса, но, конечно же, она никому из них не дала, потому что отличница.

Я подружилась только с ней, потому что от неё хотя бы не несёт лицемерием, и она более открытая, чем другие наши одноклассники.

Сейчас октябрь, уже второй триместр, и до поступления в университет осталось не так уж и много. С нетерпением жду, когда попрощаюсь с Аканэ и буду жить в общежитии.

Так как я в очередной раз тусовалась с парнями, то просто иду по тёмной улице домой по дороге и стараюсь не наступать в лужи. Мне совершенно не хочется промочить ноги и снова просить у Аканэ деньги на новые кроссовки. Я могла бы, конечно, устроиться на подработку в магазин, но не хочу тратить время на работу, потому что я в выпускном классе.

Я знаю, что на часах десять вечера и мне полностью на это всё равно. Я могу прийти домой и в двенадцать ночи, ведь с Аканэ у нас взаимное понимание — не лезть друг к другу. Она мне всё равно не позвонит, чтобы узнать, где я, ведь я уже однажды сказала, что у меня своя компания, и пусть она не лезет в мою жизнь. Аканэ позвонит только в том случае, если на часах будет двенадцать ночи, а её дочка всё ещё не дома. Такое уже было, и я возвращалась домой с ароматом сигарет и алкоголем в моём подростковом организме. Первое время Аканэ говорила, что мне только пятнадцать, а я уже курю и от меня пахнет алкоголем, на что я ей говорила, что она делает почти то же самое, только она моя мать. Аканэ сразу же заткнула свой рот и больше ничего не сказала, ведь как удобно уличить дочь в таком образе жизни, а за собой не замечать.

Подойдя к нашему дому, я вставляю ключ и открываю дверь. Твоя «любимая» дочь наконец вернулась, Аканэ.

Я захожу домой и вижу, что в прихожей горит свет. Ничего необычного, потому что Аканэ ведь помнит про меня. Я сажусь на левое колено, чтобы развязать кроссовки... и вижу ещё одни чёрно-красные, стоящие справа, которые явно не моего размера и не Аканэ.

Да, я и так знаю о разгульном образе жизни Аканэ, но это... меня в каком-то смысле даже задевает. Всё ещё сидя на колене, я смотрю на мужскую обувь. Внезапно со второго этажа до моих ушей доносятся стоны... Аканэ.

— Боже мой... — тихо говорю я себе под нос.

Если Аканэ и приводила домой очередного мужчину, то делала это так, чтобы я не знала об этом, потому что хотя бы капля стыда у неё тогда была. Но за мои восемнадцать лет я впервые слышу, как Аканэ с кем-то трахается.

Чтобы спрятать часть своей обиды на эту женщину, я усмехаюсь в пустоту. Она просто привыкла, что я поздно прихожу домой и, видимо, в этот раз понадеялась, что раньше двенадцати меня можно не ждать.

Под стоны Аканэ я развязываю кроссовки, потому что я пришла к себе домой. Встав с колен, я снимаю обувь и ставлю её влево, а потом снимаю куртку и слышу женский крик.

— Чёртова Аканэ...

Я держу эмоции под контролем, чтобы не разрыдаться прямо здесь. Я живой человек, и мне теперь некомфортно в своём же доме.

Повесив куртку на крючок, я иду мыть руки именно на кухню и слышу шаги на втором этаже. Сейчас они оба пойдут в душ, а потом я обозначу своё присутствие для Аканэ. Я слегка открываю кран, намыливаю руки, немного тру и ополаскиваю, а потом закрываю и вытираюсь о полотенце.

У меня сейчас нет возможности подняться на второй этаж и переодеться в домашнюю одежду, поэтому, одетая в кофту, юбку и колготки, я прохожу в гостиную и сажусь перед телевизором, а потом погромче включаю его. Я знаю, чем она занималась, так почему же я не могу дать ей знать о своём присутствии?

Пока я сижу на диване и «смотрю» телевизор, то жду, когда они спустятся сюда и я посмотрю на неё.

Спустя некоторое время я слышу, как они топают по лестнице. И вот сейчас будет момент... Повернув голову направо ко входу в гостиную, я уже жду, когда Аканэ поймёт, что дочь всё слышала.

Моя мать и её очередной мужчина спускаются в прихожую и останавливаются в проходе, а я пытаюсь не плакать. Женщина с каштановыми волосами до плеч в цветочном платье в пол стоит на входе и смотрит на меня, округлив глаза. А её новый мужчина, одетый повседневно, стоит рядом с ней, также смотря на меня.

— Исанами... Когда ты пришла домой? — спрашивает Аканэ с ноткой растерянности.

Я рада тому, что ей стыдно и даже очень. Скрестив руки на груди, я сижу на диване и сдерживаюсь, чтобы не дать волю эмоциям прямо сейчас.

— Только что. Не ждала?

После моего вопроса этот мужик быстро выметается из нашего дома. Как же жаль... Я уже и так всё слышала, и скрывать нечего.

— Я думала, ты придёшь не раньше двенадцати... — тихо говорит Аканэ.

— Сломала систему и пришла раньше. А ты, как всегда, в своём репертуаре.

— Это моя личная жизнь, Исанами. Ты тоже скоро станешь женщиной, так что кого ты вообще судишь?.. — Аканэ скрещивает руки на груди и выгибает бровь.

— Боже, кого ты обманываешь?! — я закричала на неё. — Тебе не нужно моё присутствие в своей грёбаной жизни! Тебе нужны только мужики!

— Исанами, сейчас же замолчи и не ругайся при матери! — подойдя ко мне, она бьёт меня по щеке.

— Ты мразь! Ты худшая мать! — я продолжаю кричать, не обращая внимания на горящую от боли щеку.

— Я сказала тебе заткнуться!

Не выдержав прилив эмоций, я встаю с дивана, выхожу из гостиной и бегу на второй этаж, потому что мне надо выплакаться, пока Аканэ что-то орёт мне вслед.

Я буквально врываюсь в свою комнату и громко хлопаю дверью, чтобы эта тварь знала, что я сейчас чувствую. Резко упав на кровать, я прячу уже заплаканные глаза в подушку.

— Чтобы ты сдохла, Аканэ, — я пишу в подушку.

Сегодня была контрольная по математике, и несмотря на то, что она всегда плохо мне давалась, я постаралась хорошо подготовиться, потому что от оценок зависит моё будущее.

Эти пятьдесят минут были довольно стрессовыми, поэтому после уроков мы с мальчиками пошли покурить, как всегда, это делаем, чтобы успокоить нервы. Это была наша серая подворотня, в которой мы всегда зависали.

Я стою, облокотившись спиной и подогнув одну ногу о стену. Справа от меня стоит мой самый близкий друг — Ито Нораё. Нораё, парень с каштановыми волосами, такой же средне-статистический школьник, не обладающий особыми способностями к учёбе и учится он «как повезёт». Сару мне может заменить только он, поскольку с ним легко общаться, да и он просто отзывчивый и часто мне помогал с темами, в которых я не разбираюсь. Из-за того, что мы часто вместе, одноклассники начинают думать, что мы встречаемся. Меня это раздражает, потому что парни в классе для меня просто хорошая компания, а девочки думают, что мы обязаны сразу же поцеловаться, чтобы удовлетворить их любопытство.

Поднеся к губам сигарету, я вдыхаю и выдыхаю через нос. Я смотрю в одну точку, и осенняя прохлада успокаивает меня так же, как и всех парней возле меня.

— Какие у вас планы на будущее? — я внезапно слышу голос Нораё.

— Давно думаю о том, чтобы поступить в Америку, — усмехается один наш одноклассник. — Хочу себе девушку-американку, потому что наши меня разочаровывают своей закрытостью.

Услышав про «закрытость», я улыбаюсь уголком губ, потому что чаще думала, что девочки гораздо более доступные, ведь Аканэ именно такая.

— Кто тебе не дал в этот раз? — спрашиваю я с ноткой веселья.

— Сара-чан, — при упоминании её имени я удивляюсь, — она ведь полукровка, но характер всё равно не тот. Думал, она гораздо доступнее, как показывают в американских сериалах. На деле же всё не так.

Я отвожу взгляд от одноклассника. За всё время, пока Сара учится с нами, я успела заметить, что, кажется, она неровно дышит к отличнику Игараши Шинджу. Не то чтобы я была так наблюдательна к подруге, но что-то я замечала такое, что говорило о том, что Сара может быть влюблена в этого ледышку.

— На Саре-чан девушки не заканчиваются. Ты пробовал с кем-то ещё? — предложил другой одноклассник.

— Была одна. Очень красивая и всё при ней, — на последнем парни усмехнулись. — Пытался уломать и делал всё, чтобы дала. Не сработало.

После чего одноклассник протяжно вздыхает.

— Поэтому и разочаровался? Хотел острых ощущений? — усмехнувшись, спросил тот одноклассник.

Друг кивает головой в знак согласия.

Между нами пятью на какое-то время повисает тишина, потому что каждый думает о своём и наслаждается обществом друг друга. Парни часто говорят о девушках в таком контексте, поэтому я привыкла к этому и не вижу в этом чего-то «грязного». Скорее, меня удив-

ляет, что Шинджу-кун в этом плане сильно уступает им. В нём не бушует столько тестостерона, сколько есть в них. Наверное, учёба плохо влияет на него. Думая об этом, я улыбаюсь собственным мыслям.

Пока мы так стоим, я слышу, как кто-то остановился у подворотни напротив нас. Я поднимаю взгляд и выхожу на середину — это Сара. Она смотрит на нас так, будто не знала, что половина нашего класса — это курильщики, любящие выпить.

— Сара? — спрашиваю я с нейтральным выражением лица.

— Привет, ребята...

— Сара-чан! — восклицает тот самый одноклассник, которому она не дала.

— Что такое? — она слегка выгибает бровь.

— Как настроение после контрольной? А то ты смотришь на нас с таким лицом, будто не знаешь, что мы курим, — он весело усмехается.

— Да всё нормально... Устала просто, вот и домой иду.

— Хорошего дня!

— Да, спасибо, вам тоже хорошего дня. Я пойду.

Сара уходит дальше по улице, а я становлюсь на то же место.

— Иса... — задумчиво протягивает он же. — Вот как девушка, скажи мне. Чего вообще хочет женский пол от мужского?

Этот вопрос мне не очень нравится, поэтому я поджимаю губы, смотря на то, как в его глазах пляшут какие-то чёртики.

— Откуда я знаю, чего девушки хотят от вас? Мне это неизвестно, я с ними не общаюсь даже.

— Сара-чан твоя подруга. Ты знаешь, чего она может хотеть, — он ухмыляется.

Я не думаю, что стоит им говорить о том, что Сара испытывает чувства к Шинджу-куну, иначе какая я вообще подруга, если выдам им такую личную информацию?

— По глазам вижу. Ты знаешь больше, чем говоришь.

— Так, — я улыбаюсь, чтобы не выдать себя, — я не общаюсь с девушками, поэтому понятия не имею, кто им нравится и чего они вообще хотят и в каком смысле.

Разве что я знаю, что Аканэ нужны только плотские утехы, но это в разговоре будет лишним.

— Тогда... Чего хочешь ты, Иса? — он, ухмыляясь, смотрит на меня с опущенными веками.

— Для начала просто поступить в университет, — я обламываю его.

— И всё? А как же любовь и с...

— Это её личное дело. Пусть сама решает, что ей надо, — вмешивается Нораё.

Я не поняла, что это сейчас вообще было и почему Нораё внезапно... заступился за меня?

Сведя брови, я поворачиваю голову направо и смотрю вверх на Нораё. В моих глазах вопрос, а в его я вижу расслабленность и некий ответ.

— Ясно. Не вмешиваюсь. Всё, — я слышу голос одноклассника.

Трое парней уходят, оставляя нас одних. А я просто смотрю в одну точку, не понимая, зачем Нораё решил вмешаться, когда я могла ответить и сама.

Урок истории только что закончился. Встав со своего места на четвёртой парте третьего ряда, я иду в конец класса, чтобы взять из своего шкафчика чупа-чупс. Именно сейчас мне захотелось чего-то сладкого.

Подойдя к нашим шкафчикам, я открываю свой и достаю из портфеля конфету со вкусом малины. Всегда нравился этот вкус. Я быстро разворачиваю чупа-чупс и погружаю себе в рот, начиная рассасывать.

Я разворачиваюсь к шкафчикам спиной и едва не вздрагиваю, потому что ко мне идёт Сара. У неё в правой руке ручка, и Сара идёт весьма уверенно.

Сара подходит ко мне, слегка улыбается и открывает свой шкафчик. Мне резко становится интересно, что она хочет достать, поэтому я внимательно слежу за её действиями. Чуть повернув голову направо, я вижу, что она достала розовый лист бумаги, который заставляет меня свести брови. Она отходит к нашему небольшому деревянному столу, который находится в одной «стенке» со шкафчиками. Сара кладёт лист бумаги на него, немного склоняется и начинает что-то писать на нём.

Да, мне интересно, что она пишет, и этого скрывать я не собираюсь, но также я не знаю, как мне незаметно подсмотреть.

Я вынимаю чупа-чупс изо рта и тихо подхожу к ней, но между нами остаётся расстояние.

— Что ты пишешь?

Сара тут же замирает над своим розовым листом, а потом поворачивает голову ко мне. Она удивлена и даже очень. Ну а что она думала? Что мне всё равно, что она там пишет? Нет, мне очень интересно.

— Я... Да просто... Записку пишу одну. Она очень важна... — сказав это, Сара слегка улыбается.

— Что за записка? — спрашиваю я с нескрываемым любопытством.

— Кое-что очень важное, Исанами. Если получится, потом расскажу.

Связано ли это с Шинджу-куном и что это «Если получится, потом расскажу»?

— Что ж... Ясно, — ответив, я снова погружаю конфету в рот.

Я снова прислоняюсь спиной к шкафчикам и заостряю внимание на Накаяме Сэиджи, сидящем за своей партой. Изгой нашего класса и ещё и из бедной семьи. Я видела, как над ним издеваются мои одноклассники, и мне, если честно, совершенно плевать на это. Если я вмешуюсь в перепалку, то начнут издеваться и надо мной, несмотря на то, что я общаюсь только с парнями. Те, в свою очередь, могут бросить меня и сказать: «Сама разбирайся». Поэтому мне не надо лишних проблем с жертвой издевательств.

Я слышу, как Сара закончила писать свою очень важную записку и в этот же момент Сэиджи-кун развернулся всем корпусом и посмотрел в сторону Сары. Снова повернув голову направо, я вижу, как Сара уходит из класса. В кабинете остаюсь я, Сэиджи-кун, три девушки и ещё двое парней.

Звук шагов Сары всё отдалялся и отдалялся, а я видела, как Сэиджи-куну становится... грустно? У меня нет желания подходить к нему и спрашивать, какие у него душевные проблемы, потому что у меня самой не всё в порядке. Смотря на него, я просто усмехаюсь и закрываю глаза.

— Как ты думаешь, она уже со всеми?.. — до моих ушей доносится шёпот одноклассницы.

Я не придаю значения этим словам и разворачиваюсь к своему шкафчику.

— Исанами-чан общается только с парнями и Сарой. Хоть и ведёт себя как вся такая нетронутая, по-любому перетрахалась со всеми.

Я тянусь открыть шкафчик и тут же замираю на месте. Эти идиотки говорят обо мне. Вот поэтому я и не общаюсь с девушками, потому что думают только о своих парнях и как быстрее выскочить замуж, чтобы ничего не делать.

— Так есть же слухи, что она встречалась уже со всеми своими четырьмя друзьями. Наверное, больше понравилось делить постель с Нораё-куном, поэтому с ним и зависает чаще всего.

Во мне закипает огромный ураган ярости, отчего я сжимаю ручку шкафчика до боли в руке. Мне ничего так не хочется, кроме как подойти и разбить этим курицам носы.

— Исанами-чан ведь считает, что все девушки красятся и смотрят за собой исключительно для мужского внимания. В её тупую башку никогда не придёт мысль, что мы можем выглядеть хорошо исключительно для себя.

— Идиотки... — произношу я одними губами, продолжая зло смотреть на свой шкафчик.

Почему я их до такой степени интересую? Это моя жизнь, и с кем хочу общаться, с теми и общаюсь. Из-за их тупых слухов наша дружба с мальчиками не кончится!

— Или наоборот, из-за этого нормальные парни на неё и не смотрят, потому что полюбому шлюха и ещё и заразит чем-нибудь. Фу.

Исанами, держи себя в руках. Ты выше этих мерзких слухов.

— Она дружит с Сарой. Удивлена, как отличница может общаться с таким биомусором в виде Исанами.

Пора дать этим идиоткам знать, что я всё слышу. Глубоко вдохнув, я выдыхаю. Они добиваются того, чтобы я разозлилась и накинулась на них, поэтому спокойно, Исанами.

Развернувшись, я подхожу к стулу ближайшей последней парты, очень громко отодвигаю его и сажусь за парту, а потом так же громко бью рукой о неё.

Поняли, твари?

Девушки передо мной тут же вздрагивают и замолкают. Так-то, курицы.

2000 год

Я иду по улице домой с уроков, потому что мальчики решили заняться полезным — подготовкой к поступлению в токийский университет. Сейчас уже почти конец третьего триместра, то есть февраль и совсем скоро окончание школы. Мы все сдали централизованный экзамен, иначе без него нас не допустят до вступительных испытаний, то есть к своей будущей успешной жизни в большом доме.

Я начала к нему готовиться ещё в сентябре прошлого года, потому что если бы я не сдала его, то не знаю, что меня бы ждало в будущем, кроме бедности. А ещё я до сих пор не верю, что уже двадцать первый век, так как сейчас двухтысячный год. Двадцатый век закончился, и мне уже скоро девятнадцать.

Мысль о том, что я скоро перееду в общежитие, очень воодушевляет меня, так как я смогу забыть о существовании Аканэ хотя бы на некоторое время. Её разгульная жизнь ведь всё так же продолжается, просто теперь она относится ко мне осторожно, и когда прихожу домой, то этих стонов я уже не слышу.

Спустя некоторое время я прихожу домой и начинаю разуваться.

— Исанами, — Аканэ строго произносит моё имя.

Так как я сижу на одном колене, то поднимаю голову с вопросом в глазах.

— Что? — спрашиваю я ровным тоном.

— У меня к тебе очень серьёзный разговор, который касается твоего будущего, — Аканэ скрещивает руки на груди.

Она и так знает, что я буду поступать в университет. Что ей ещё надо?

— Какой разговор? — смотря на неё, я выгибаю бровь.

— Сначала встань с пола, — недовольно бросает она.

Я выполняю просьбу этой женщины и становлюсь на обе ноги.

— Я редко говорила об этом, но у меня есть подруги, которые старше меня, — начинает она, а я жду, что она будет говорить дальше. — У всех моих подруг уже есть внуки.

— Поздравляю твоих подруг. Мне что до этого? — я закатываю глаза.

— Тебе восемнадцать лет, и в марте уже день рождения, а там ты школу закончишь.

— И?

— Ты с матерью говоришь или с чужим человеком? — язвит Аканэ.

— Я знаю, что мне восемнадцать и что я скоро закончу школу.

— Ты не будешь поступать в университет, Исанами, — она сверлит меня взглядом.

Услышав это, я широко распахиваю глаза и моргаю. Я и так считаю, что у Аканэ крыша поехала на почве её личной жизни, но не думала, что услышу, как она решает, что я буду делать в собственной жизни.

— Что? — я нервно усмехаюсь, смотря на неё таким же прожигающим взглядом.

— Ты почти взрослая женщина. Тебе нужно родить ребёнка. Иначе мне будет стыдно появляться в кругу своих подруг.

После того, что она сказала, между нами на некоторое время повисает тишина. Это она сейчас вообще говорила или мне всё снится? Я моргаю, смотря на неё и пытаюсь поверить в реальность, потому что ощущение, что я снимаюсь в какой-то чёрной комедии.

— Что? Ты себя слышишь?

— Ты женщина и мать своего будущего ребёнка, а мне нужны внуки, — говорит Аканэ со всей серьёзностью.

Мне хочется смеяться на весь дом от её слов, потому что это грёбаный абсурд.

— Какой ещё будущий ребёнок? Мне восемнадцать лет, и я заканчиваю школу, а потом поступаю в университет на врача.

— В университет ты ещё успеешь поступить, сначала подари своей матери внуков. Это несложно, я ведь тебя родила.

Аканэ говорит это таким тоном, будто мне настолько просто лечь с кем-то в кровать.

— В противном случае я тебя выгоню из дома, и делай, что хочешь, хоть телом торгуй, чтобы получить деньги на жизнь.

Эти её громкие слова заставляют моё сердце сделать сильный удар, а мой рот раскрывается в ещё большем удивлении. Аканэ в прямом смысле сказала о том, что я могу стать проституткой, чтобы выжить.

— Аканэ, у меня ощущение, что один из твоих бывших мужиков приложил тебя головой к стене и теперь крыша съехала...

Она резко и сильно бьёт меня по щеке.

— Какую ещё грязь матери скажешь?!

Я застываю на месте, не зная, что мне делать и говорить.

— Тебе ведь всё равно пришлось бы когда-нибудь выходить замуж и рожать. Все женщины так делают до тридцати лет. Чем раньше, тем лучше, Исанами.

— Ты в курсе, что ты вмешиваешься в мою собственную жизнь, чтобы перестать чувствовать себя неполноценной? — спрашиваю я, чувствуя, как левая щека горит от боли.

— Я не вмешиваюсь, Иса. Я советую тебе, как лучше, потому что твоё образование подождёт. Внуки мне важнее.

— С кем я, по-твоему, должна лечь в грёбаную кровать, чтобы забеременеть?! — я едва не срываюсь на ругань.

— С любым парнем, который тебе нравится и с которым ты хочешь семью. Тебе ведь по-любому кто-то нравится. Иначе и быть не может. Всем женщинам нравится какой-нибудь мужчина. Это природа, в нас заложено такое.

Я делаю шаг в сторону, находясь в уличной обуви и верхней одежде, но Аканэ грубо хватается меня за левую руку.

— Куда собралась? Мы не договорили!

Сердце бешено стучит, в горле ком, и к глазам подступают слёзы. Господи, я ненавижу плакать, ведь эта стерва всё равно меня не поймёт.

— Просто роди ребёнка. Потом будет университет и всё остальное. Я помогу тебе со всем и никуда не денусь. В конце концов я твоя мать.

В моём теле начинается лёгкая дрожь, потому что мне страшно. Мне восемнадцать лет, и я совсем не пойму, как я могу воспитать ребёнка, чтобы в будущем он не захотел меня собственноручно убить из-за того, что я глыба льда.

— Иса, я с кем разговариваю? — снова строго спрашивает она. — Если ты боишься, просто попроси какого-нибудь мальчика показать тебе, как это делается. Просто попробуйте вдвоём, чтобы ты имела представление. Мальчики всё это хорошо знают, и больно тебе не будет, если ты попросишь быть с тобой нежным.

— Ты сумасшедшая, Аканэ.

Я дёргаю рукой, чтобы она отстала от меня. Дальше я просто иду на поводу своих эмоций, потому что я не слышу эти её визги. Разувшись, я вешаю зимнюю куртку на крючок и быстрее ухожу, потому что перед глазами пелена.

Сейчас уже конец февраля, и всё это время Аканэ напоминала мне о моём «женском долге». Я пыталась её вразумить своим возрастом, ведь мне не двадцать пять, а чёртовых восемнадцать лет, и я всё ещё подросток. Но всё без толку, потому что она угрожает мне выгоном из дома и пугает тем, что мне придётся зарабатывать на жизнь телом, так как другого выхода не будет.

Я и Нораё сидим и курим в парке на скамейке. Моя голова лежит на его левом плече. Я больше всего дружу лишь с ним, но всё ещё не рассказала о том, чего от меня хочет Аканэ. Психологически я совсем не готова к тому, чтобы «отдаваться процессу», хоть эти курицы в классе и говорят, что я девушка лёгкого поведения. Даже будучи подростком, я никогда не задумывалась о том, как могу назвать своего будущего сына или дочь, потому что не чувствую, что из меня получится хорошая мать. Рожать должны только те женщины, которые могут воспитывать детей.

— Ты последнее время какая-то грустная, Исанами. Тебя не узнать, — тихо говорит Нораё.

Поднеся сигарету к губам, я затягиваюсь.

— Всё будет хорошо. Ты ведь сдала экзамен, значит, и вступительные сдашь, — подбадривает он, не зная истинной причины.

— Есть кое-что, препятствующее моему будущему... — задумчиво говорю я, смотря перед собой.

— В смысле? Ты о чём? — непонимающим тоном спрашивает он.

— Моя мать.

— Что? Твоя мать? Она здесь при чём?

Поднявшись с его плеча, я сажусь нормально и смотрю на него.

— Мать говорит мне побыстрее вступить в отношения и родить ребёнка, — признаюсь я. Глаза Нораё округляются. Да, так и есть.

— Нет... Я понимаю, конечно... У всех свои ценности, но тебе ведь только восемнадцать... Твой день рождения только в марте будет...

— Она угрожает мне выгоном из дома. Говорит, что я буду торговать телом, чтобы заработать на еду.

Нораё тут же притягивает меня к себе и крепко обнимает одной рукой.

— Всё будет в порядке. Никто тебя не выгонит, — ласково говорит он.

Его слова меня настораживают, а не успокаивают.

— Каким образом, если я не собираюсь ложиться в кровать и, тем более, рожать?

— Я покажу тебе, Исанами. Всё будет хорошо.

Его слова заставляют меня замереть на месте, а внутри всё сжимается от напряжения. Он на полном серьёзе собрался... учить меня?

— Что такое, Исанами? Ты резко напряглась, — его голос звучит у моего уха.

От страха моё сердце забилося чаще, потому что... я не хочу этого и... Нораё совсем меня не понимает. А мы ведь близкие друзья. Что за бред?

Я поджимаю губы, потому что не знаю, что ему отвечать. Я понимаю, что в каком-то смысле он хочет мне помочь, но я думала, что это будет совершенно не так.

Я отстраняюсь от него, но из-за страха внутри мыслями я улетаю куда-то очень далеко и перестаю чувствовать, что сижу на скамейке.

— Исанами... Ты вся бледная... — с волнением говорит он и касается моей щеки.

Только сейчас я ощутила, что весь мир против меня и я не могу с этим ничего сделать.

Сара

Скоро сдавать вступительные испытания в университет, хотя я ещё не решила, кем хочу стать. Выбор был между учительницей и воспитательницей в детском саду, потому что я люблю детей.

Школа наконец окончена. Всем классом мы решили отпраздновать выпуск в загородном доме, и я наконец признаюсь в одной вещи, которая мучает меня уже очень долго.

Я сижу со своими подругами на чёрном диване на первом этаже, пока из магнитофона играет разная поп-музыка. Атмосфера почти как в ночном клубе, потому что одноклассники танцуют, выпивают и разговаривают кто о чём.

На мне надето синее платье с пышной юбкой до колен и вставкой на груди, вместо обычной ткани на плечах. Хоть парни и принесли довольно много алкоголя, я пью из одного бокала уже полчаса, так как никогда не считала, что напиваться до потери сознания — это очень круто, а ведь некоторые одноклассники уже нетрезвые.

В силу своего характера и менталитета я более общительная, чем другие девушки моего класса. За февраль и март я заметила, что Исанами сильно замкнулась в себе и у неё больше нет этой рассеянности и свободолюбия. Мы стали реже общаться, и я не поняла, что произошло, поэтому спросила у неё, но она проигнорировала меня. Я чувствую, что что-то случилось, однако вытащить информацию из неё не могу. Думаю, если она захочет, то сама всё выложит.

Так как я устала от шума музыки и пьяных голосов одноклассников, то беру свою синюю лаковую сумку и встаю с дивана и выхожу на улицу. Хорошо, что меня никто не стал останавливать.

Сейчас только ветер и вечерняя прохлада, а звуки музыки и пьяные голоса остались где-то на фоне. Мои волосы приятно развеваются на ветру, и я устало улыбаюсь, потому что уже хочу домой.

Повернув голову направо, я вижу Шинджу-куна, который в строгом сером сидит на скамейке, стоящей на крыльце дома. Он пьёт вино из бокала, задумчиво смотря вдаль. Шинджу-кун довольно интровертный, и из нашего класса он общался только с двумя парнями, потому что очень много учился для поступления на факультет бизнеса.

Но, Шинджу-кун, читал ли ты моё признание? Я произношу это у себя в голове, смотря на него, потому что не знаю, как озвучить свои чувства.

Внезапно он поворачивает голову в мою сторону и слегка удивляется. Я же немного смущаюсь и сразу отвожу взгляд.

— Сара-чан?

— Привет, Шинджу-кун. Ты, как всегда, один сидишь, — я не смогла не улыбнуться.

— Почему ты не с подругами? — его взгляд снова стал холодным.

Цокая каблуками по крыльцу, я подхожу ближе к скамейке.

— Устала от всего этого шума. Спокойствия хочу, — говорю я, выдохнув.

— Понимаю. Тоже, если честно, устал от всей суеты перед поступлением. Хоть и много учусь, но как же хочется просто отдохнуть и забыть про слово «учёба».

Со своим недопитым вином в бокале я становлюсь почти перед ним.

— Так давай же уедем отсюда прямо сейчас, Шинджу-кун, — улыбаясь, предлагаю я.

— Что? Ты о чём? — он сдвигает брови.

— Мы оба хотим спокойствия, а не всей этой суеты.

— Мы... уедем вдвоём? Куда, интересно? — Шинджу-кун смотрит на меня, как любопытный котёнок.

— Я знаю одно место, где мы можем побыть вдвоём и просто поговорить о чём захочешь. Как тебе такое?

Он смотрит на меня, не поняв, о чём я сказала.

— Хорошо, давай, — уголок его губ дрогнул лишь на чуть-чуть.

Отойдя от него, я ставлю свой бокал на кремовый столик около скамейки, и Шинджу-кун делает то же самое.

Мы отходим от скамейки. Он первым идёт к лестнице у крыльца. Я не знаю, почему я внезапно повернула голову налево. В стеклянных дверях я вижу удивлённое лицо Исанами и грусть в глазах Сэиджи-куна. Не понимаю, что я такого сделала, чтобы так смотреть на меня. Подняв брови, я быстро смотрю на них с вопросом в глазах, а потом отворачиваюсь. Мы действительно поедem в одно место, которое не для лишних глаз.

Спустившись с лестницы, мы идём направо к машинам, на которых приехали сюда. Хорошо, что Шинджу-кун идёт впереди меня, иначе он бы видел мою лучезарную улыбку. Мы поедem не в просто тихое место, мы поедem в один отель, где можно снять номер на одну ночь и нам правда больше никто не нужен.

Почти дойдя до машин, я вижу, как Шинджу-кун идёт в сторону белой, но я не знаю, какой она марки.

— Это моя машина, — объявляет он.

— Хорошо.

Шинджу-кун первым садится, на что я просто киваю, так как думала, что он, как истинный джентльмен, откроет даме дверь.

Я сажусь на первое сиденье, пока внутри нарастает волнение. Мне тяжело сдерживать улыбку, потому что я правда хочу быть с ним, но... я не знаю, что он думает про меня.

— Сара-чан, куда мы едем? — я чувствую, как он посмотрел на меня.

— В один отель.

— Отель? Что ж... Хорошо...

— Давай опустим формальность, Шинджу? — внезапно вылетает у меня.

— Хорошо... Сара.

Спустя время

Мы доехали до хорошего отеля, где я была со своими родителями, так что я знаю это место.

Зайдя в небольшое здание, я сразу иду к стойке администратора.

— Здравствуйте, нам нужен двухместный номер на одну ночь.

Дама в офисной форме любезно даёт мне ключ, а я ей десять тысяч иен наличными. Развернувшись к Шинджу, я показываю ему ключ от двенадцатой комнаты на втором этаже.

Мы поднимаемся по лестнице, идём по коридору, и я открываю дверь нашей комнаты. Внутри бежевые стены, маленький холодильник, кондиционер, большая кровать, серый телевизор, шкаф из тёмного дерева и две тумбы по бокам от кровати, на одной из которых стоит лампа.

Зайдя в номер, я сажусь на кровать и кладу сумку рядом с собой. Теперь-то тишина, и никто нам не мешает.

— Здесь так спокойно... — Шинджу расхаживает по комнате. — Только вот ощущение, что мы сделали что-то неправильное, просто уехав ото всех.

Я усмехаюсь.

— Неправильное? Мы имеем право уехать отдохнуть. Нам ведь восемнадцать.

— Что мы будем обсуждать, Сара? — он прислоняется спиной к стене справа от меня и скрещивает руки на груди.

В глазах Шинджу снова тот же холод. Как же мне сломать твои стены, чтобы ты посмотрел на меня как на женщину, а не на девочку?

— Что захочешь, Шинджу... Но я первая.

В его глазах сразу же мелькнул интерес.

— Ты читал то, что я написала тебе? — спросив это, я отвожу взгляд в смущении.

— Розовая записка.

— Да, Шинджу. Именно она.

— Читал.

— Так что же ты думаешь обо мне на самом деле?

Я очень сильно нервничаю, поскольку переживаю, что всё сорвётся. Я готовилась к этому психологически и надеюсь, что он тоже хочет, а не только я.

— Ты правда думаешь, что я не понял, для чего всё это?

Удивившись, я снова смотрю на него и вижу, как его взгляд резко изменился. В его глазах нет холода, в его глазах теперь азарт и интерес. Это будто не тот холодный отличник Игараши Шинджу, это какой-то совсем другой парень, которого я не знаю.

Шинджу медленно подошёл ко мне.

— Если бы я не чувствовал того же, я бы попросту не поехал, — он ухмыляется.

Мне интересно, что он хочет со мной здесь сделать, поэтому я встаю с кровати и становлюсь перед ним.

— Я взрослый парень, и я в самом начале догадался, куда мы едем, Сара.

Он перехватил инициативу очень быстро, и теперь это я должна слушаться, а не он. С удовольствием, Шинджу.

— И что же мы будем делать? — спрашиваю я, не заметив, что стала дышать глубже.

Он резко притягивает меня к себе за талию. Теперь я чувствую Шинджу и вижу, как его глаза темнеют. Его рука легла мне на затылок, а большой палец поглаживает левую щёку. Я хочу, чтобы он поцеловал меня и у нас всё получилось.

Шинджу не сдерживается и впивается мне в губы со всей страстью. Я чувствую, как внутри всё разгорается от желания, потому что я хочу его.

Обвив его шею руками, я притягиваю его к себе сильнее и запускаю пальцы в его волосы. Язык Шинджу резко скользит мне в рот, отчего мои ноги подкашиваются и из меня вырывается стон.

Внезапно он почему-то отрывается от моих губ, и я смотрю на него с вопросом в глазах.

— Сними уже своё платье, я хочу тебя.

2004 год

Я чертовски пожалела о том дне, когда мы с Шинджу уединились в отеле. Тест на беременность показал две полоски, и будучи молодой восемнадцатилетней девушкой, которая должна была сдавать вступительные в университет, я не знала, куда себя деть.

Когда мы занимались этим с ним, я чувствовала себя взрослой женщиной, но потом поняла, что я маленькая девочка, которая не знает, на что обрекла себя.

О будущей студенческой жизни пришлось забыть, потому что мне нужно было родить малыша. Родители настаивали на аборте, так как я слишком молода и у меня нет вообще ничего. Но я решила взять ответственность за своего сына и родила его. Не знаю, как, но я попробую воспитать мальчика так, как смогу.

Любовь моей жизни — Игараши Шинджу — был взбешён тем, что я забеременела, хотя виноват в первую очередь он, потому что я думала, все подростки уже в шестнадцать знают, как делаются дети. Он сказал, что будет поступать в университет и «этот чёртов ребёнок» ему не нужен, но нам пришлось породниться и стать мужем и женой в восемнадцать лет. Вся любовь, страсть и чувства разом пропали, и мы больше стали похожи на двух чужих людей, а не на семью. Его родители купили для нас дом, куда нам пришлось переехать и жить вместе, хоть мы даже привычки и быт друг друга не знаем.

Мне пришлось воспитывать ребёнка в полном одиночестве, потому что Шинджу было глубоко наплевать на свою плоть и кровь. Будучи матерью и его первой любовью, мне было чертовски обидно чувствовать на себе весь его холод и отстранённость. Но, с другой стороны, я понимаю его, ведь в его планы точно не входило создавать семью в таком раннем возрасте, потому что семьи создают, когда есть хорошая работа, жильё и человек, в котором ты уверена.

Моему черноволосому мальчику Рэнджи в декабре две тысячи третьего года исполнилось три года, а мне уже двадцать один, и я всё ещё нигде не учусь, потому что нет такой возможности. Рэнджи спросил меня о Шинджу, на что я ответила очень уклончиво, потому что наши отношения оставались всё такими же холодными, словно это не он отец.

Я сижу в гостиной перед телевизором и параллельно слежу, чтобы Рэнджи не натворил дел. Внезапно раздаётся телефонный звонок, а звонят нам только родители, поэтому я иду к телефону в очередной раз. Сняв трубку стационарного серого телефона, я прикладываю её к правому уху.

— Это Сара, я слушаю.

— А это Исанами.

Услышав это имя, я очень сильно удивилась, ведь после школы мы перестали держать любой контакт. Я слышу, как Исанами хмыкнула в трубку.

— Исанами?.. Боже... Добрый день... Я очень рада, что ты позвонила, — радостно говорю я, не скрывая улыбки.

— Да, добрый день... Хотя добрый он, наверное, только у тебя, — она отвечает таким странным тоном, что мне становится не по себе. — Я слышала, ты забеременела. Это правда? Или опять одноклассницы разнесли сплетни?

Глядя в одну точку, я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Да... Это правда... Я родила сына и назвала его Рэнджи.

— Ого, — громко восклицает она. — И как жизнь молодой мамочки с отличником класса?

В груди колет, потому что жизнь ужасная, и худшего я представить не могла.

— Терпимо.

— Значит, плохо, — Исанами усмехается.

Хоть её тон мне и неприятен, она чертовски права.

— Кстати, я тоже забеременела. Но, похоже, раньше тебя.

От этой внезапной новости меня будто обливает холодной водой, потому что я замерла на месте и вытаращила глаза.

— Что?.. Когда?..

— Перед выпускным. Я родила девочку. Её зовут Мицуки.

— Поздравляю с этим! — я улыбаюсь. — А кто же отец ребёнка?

— Нашла с чем поздравлять, — Исанами внезапно ругается. — Ито Нораё.

Из-за её ругательства я замираю на месте от испуга, потому что Исанами разговаривает так, словно её жизнь испорчена.

— Вы любите друг друга?.. — очень тихо спрашиваю я.

— Не знаю. Нет.

Я сглатываю, потому что ситуации очень похожи. Хоть Шинджу мой муж и отец Рэнджи, мы не любим друг друга, а просто сожительствуем.

— А откуда же тогда взялась ваша дочь, если вы не любили друг друга? — мне страшно, но я спрашиваю, сильнее сжимая трубку пальцами.

— А это мать моя — Аканэ. Она настояла на создании семьи, — Исанами усмехается.

Сейчас я поняла, что её ситуация ещё хуже, чем моя. Нет ничего ужаснее, чем когда собственная мать на тебя давит.

— Есть идея... — начинаю я, — давай познакомим детей друг с другом.

— Хорошая идея, — она снова смеётся, а я не понимаю, почему ей так весело.

— Ты сможешь сейчас приехать с Мицуки к нам?

— Давай, говори адрес.

Я сказала Исанами наш адрес.

— Ясно, ждите, — сухо отвечает она.

В дверь раздался звонок. Сидящий на полу и играющий с кубиками Рэнджи тут же обратил своё детское внимание на дверь, и я вместе с ним. Подойдя к двери, я открыла обеим гостям.

Исанами и её маленькая дочь Мицуки зашли в наш дом. Мне сразу же захотелось обнять школьную подругу, но увидев её странное состояние, я была озадачена. В школе Исанами была ухоженной, а сейчас ей столько же, сколько и мне, только вот выглядит она так, будто ей больше тридцати.

Её тёмно-коричневые волосы с неровной чёлкой были жирными, будто она перестала заботиться о своей внешности. На ней был серый кардиган и белое платье до колен. В нос сразу ударил запах пота, потому что Исанами выглядит очень плохо.

Её же дочь, наоборот, похожа на живую куклу. Мицуки — красивый ребёнок с такими же тёмными волосами до плеч и чёлкой, но видно, что она не расчёсана. Девочка посмотрела сначала на меня, потом на Исанами, а потом начала внимательно разглядывать гостиную нашего дома. Она одета в розовое платье на тонких лямках, белую блузку снизу и маленькие детские серые кроссовки. В её левой ручке черноволосая кукла в сером платье.

— Это моя дочь, — говорит Исанами, глядя куда-то в сторону.

Я опускаюсь на один уровень с Мицуки и ласково смотрю на неё, а она без эмоций в глазах смотрит на меня в ответ.

— Меня зовут Сара. Я школьная подруга твоей мамы, — я беру малышку за левый локоть.

Мицуки не улыбается и не говорит ничего в ответ, а просто смотрит на меня. Видимо, дочь Исанами вовсе необщительная.

Я поднимаюсь на ноги. Наверное, мы с ней попьём чай, хоть от неё и ужасно пахнет.

— А сын твой где? Хоть посмотреть, кого ты родила, — говорит она развязным тоном.

Я отхожу в сторону, поскольку Рэнджи сидит у дивана за моей спиной.

— Это твой Рэнджи? — Исанами ухмыляется.

— Да... Есть идея. Давай попьём чай, пусть дети пообщаются.

— Ладно.

Дети

Исанами подводит дочь к мальчику-брюнету Рэнджи, одетому в детский синий комбинезон и белую рубашку под низ. Сара видит, как дети смотрят друг на друга с любопытством, хотя в глазах Мицуки не так уж и много эмоций при виде мальчика.

Обе девушки уходят на кухню, оставляя детей вместе.

— Рэнджи, — представляется мальчик.

— Ми... Цуки... — тихо и с неловкостью говорит девочка.

— Мицуки. Цуки, — Рэнджи слегка улыбается.

— Да.

Увлечённый детскими кубиками Рэнджи внезапно бросает их и засматривается на куклу в руке Мицуки. Указательным пальцем правой ручки он показывает на куклу.

Мицуки, стоящая просто так, переводит взгляд вниз и налево. Рэнджи хочет куклу? Она протягивает ему игрушку. Мальчик тут же забирает её из ручки Мицуки. Он с любопытством осматривает и по-разному вертит куклу.

— Её зовут Рэна. Мне папа подарил. Я с ней всё время разговариваю, это моя подруга. Она знает всё.

Рэнджи бросает на Мицуки лишь мимолётный взгляд и вновь продолжает разглядывать куклу. Правой ручкой он обхватывает голову куклы, а другой её ноги.

Внезапно глаза Мицуки широко распахиваются, потому что... Рэнджи оторвал кукле голову. Из глаз девочки сразу же полились слёзы.

— Мама, мама! Он сломал её! Мама!

Сара

Нашу беседу прерывает крик малышки Мицуки. Вынужденно встав из-за стола, мы с Исанами идём к детям, и краем глаза я вижу злость в её глазах.

Я подбегаю к детям. Рэнджи держит в руках тело куклы и её голову, только у него удивлённый взгляд. Он не напуган её криками и слезами.

— Твою куклу можно починить. Это нестрашно, Мицуки, — спокойно говорю ей я.

— Ты не умеешь воспитывать детей, Сара. Твой сын уже показывает признаки какого-то социопата. Он обидел мою дочь. Скольких девочек он ещё обидит в будущем? Научись воспитывать детей... подружка.

Исанами не говорит, она буквально выплёвывает слово «подружка». Смотря на Рэнджи, я вижу в его глазах непонимание. Он не сделал что-то плохое, он ведь просто ребёнок, и я в любом случае ему скажу не ломать чужие вещи.

— Больше не зови нас к себе. Мы не придём, а то ещё что-нибудь не то сделает.

Исанами буквально дёргает Мицуки с места. Девочка плачет, а моей подруге... всё равно? Рэнджи тоже ничего не понимает и просто сидит с куклой в руках.

Она уходит со своей дочерью, громко хлопнув дверью, что я аж вздрагиваю.

2009 год

В этом году Рэнджи исполнится девять, мой милый сын уже взрослый и ходит в школу. Мне удалось сблизиться с мужем, но всё всё так же между нами ничего нет, и я всё больше понимаю, что не нравлюсь ему как женщина, но мы остаёмся в браке, не понимая почему. Я думаю, что мы оба хотим обсудить вопрос развода, но не знаем, как об этом сказать восьмилетнему Рэнджи, всё-таки он ещё ребёнок.

Помимо отсутствия любви между нами, с февраля этого года меня кто-то преследует. Когда Рэнджи был в школе, а Шинджу на работе, в дверь позвонили, что для меня было странным. Открыв дверь, на пороге я обнаружила чёрный подарочный пакет. Именно чёрный, а не, например, синий или красный. Всю жизнь чёрный цвет ассоциировался у меня с похоронами, поэтому меня это сильно напугало.

Я посмотрела, что в пакете. Коробка чёрных лаковых туфель на каблуках и... записка, написанная довольно аккуратно.

«Тот мужчина, который по-настоящему тебя любит»

Это меня не просто озадачило, меня это до ужаса напугало, потому что всю взрослую жизнь я думала, что преследование меня никогда не коснётся. Несмотря на своё любопытство, я не стала примерять туфли, иначе это было бы предательством самой себя, и Шинджу или Рэнджи спросили бы, откуда у меня они.

Я тут же убрала туфли обратно в коробку и закинула их в отдел шкафа, где Шинджу бы их не нашёл.

Я понятия не имела, что мне делать в такой ситуации, поэтому думала о том, кто этот странный тип. Он написал, что по-настоящему меня любит. Но кто этот мужчина, которого я никогда не встречала?

Он приносил к нашим дверям и другие вещи: платье, бижутерию, даже краску для волос. Я спрашивала у соседей, видели ли они кого-то подозрительного у дверей нашего дома, на что они ответили, что никого не было.

Мне требовалась защита, потому что я не знала, на что способен этот человек, учитывая, что я всё ещё замужем и он, похоже, не знал, что у меня есть ребёнок.

Шинджу только что пришёл домой с работы, поэтому мне нужно поговорить с ним по этому поводу. Пока он разувается, я подхожу к нему.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я со своей серьёзностью, чтобы он воспринял это.

— Слушаю.

— Какой-то незнакомый мужчина присылает мне подарки под нашу дверь и говорит, что любит меня.

Шинджу смотрит на меня и протяжно вздыхает.

— И что ты хочешь от меня? — его тон полон нежелания разбираться в ситуации.

— Твой друг работает в полиции. Скажи ему как-то разобраться с этим, — скрестив руки на груди, я выгибаю бровь.

— Ты так на меня смотришь, будто думаешь, что мне есть дело до твоих чувств, Сара.

— Так или иначе, мы давно женаты, и у нас есть ребёнок, о котором ты даже вспоминать не хочешь, — отвечаю я ровным тоном, потому что скандалы не меняют его.

Шинджу лениво кивает, даже не слушая, что я говорю.

— Он тебя по-настоящему любит, Сара. Не это ли тебе нужно всю жизнь от меня? — он неприятно усмехается.

Он меня раздражает, но сделать я ничего не могу, потому что ему всё равно.

— Восемь лет назад ты завяла, потому что я не даю тебе то, что ты хочешь. Но меня тоже понять можно, дорогая жена, потому что ты просто первая любовь. Это чувство уходит так же быстро, как и приходит. Или, когда тебе было восемнадцать, ты думала, что у нас будет настоящая семья?

Шинджу любит доводить меня до слёз, и сейчас, стоя перед ним, в горле снова ком эмоций.

— Я прошу тебя не о любви, я прошу элементарной защиты, ведь ты глава нашей семьи, Игараши.

— Сам впервые слышу, что я, оказывается, глава этой семейки. Интересно было узнать, — он улыбается уголком губ.

— В чём сложность просто сказать ему, что меня кто-то преследует? — я становлюсь прямо рядом с ним, чтобы он перестал игнорировать.

— Сара. Почему это должно быть моей проблемой? — спрашивает Шинджу с ноткой злости.

— Потому что у нас есть сын! — я больше не сдерживаю эмоции. — Тебе на него глубоко наплевать, и воспитываю Рэнджи только я! Я уже боюсь по улице ходить, потому что думаю о том, что за мной постоянно следят! Если со мной что-то случится, что будет с ним?!

— Полегчало, милая? — издевательски спрашивает он.

У Шинджу нет сочувствия, на его лице лишь усмешка. Ему смешно с моей реакции, когда мне до ужаса страшно. Смотря на него, я стараюсь не заплакать.

— Ты мне уже давно никто. Статус моей жены остаётся лишь по документам. Мне плевать на тебя и твои чувства. Я не буду помогать тем людям, к которым ничего не чувствую.

От этих слов внутри всё сдавливает от несправедливости и глубокой обиды. Из глаз текут слёзы, потому что я не выдерживаю такого наплевательского отношения.

— Тебе плевать на меня, но подумай хотя бы о ребёнке, будущее которого неизвестно с таким отцом, — говорю я сквозь слёзы и убегаю.

Последнее время мне ещё хуже, чем раньше. Кажется, я медленно впадаю в депрессию. Я одна воспитываю Рэнджи и делаю с ним уроки, совершенно забыв, что восемь лет назад хотела учиться в университете. Рэнджи спрашивает меня, почему Шинджу не подарил ему ни одного подарка, ведь он его отец, но я отвечаю очень уклончиво. Рэнджи, будучи восьмилетним ребёнком, уже считает, что должен сражаться за внимание отца. Он думает, что, если будет стараться в школе, отец подарит ему компьютерную игру. Знал бы мой сын, что я тоже сражалась за внимание Шинджу, когда только родила. И что у меня тоже ничего не получилось и пришлось жить так, как мы живём сейчас.

Хоть я и помню, что меня всё ещё преследует тот мужчина, я иду по тёмной улице одна, потому что психологически устала от нахождения в своём же доме. Все эти годы мне не хватало обычных прогулок с подругами. Они тогда учились в университете и где-то подрабатывали, а всё это прошло мимо меня из-за материнства. Я не виню Рэнджи в том, как проходит моя жизнь, потому что обстоятельства так сложились. Будучи такой молодой, нужно было в тот день просто позвонить родителям, и они забрали бы меня на машине. Тогда бы этой «семейной» жизни сейчас не было.

Я иду в розовом плаще по тёмной весенней улице, и слёзы опять подступают к глазам. Я абсолютно одна.

Внезапно кто-то обхватывает мою талию одной рукой, прижимает спиной к груди и прикладывает к носу какую-то тряпку. Я вдыхаю раствор, заставляющий меня заснуть, потому что всё тело тяжелеет и ноги подкашиваются.

Я знала, что со мной что-то случится. Но не знала, когда...

Спустя некоторое время

Я медленно открываю глаза и вижу перед собой потолок. Здесь нет света. Мои руки чем-то связаны, и я сижу на стуле. Я чувствую, что я в одежде, значит, тот, кто похитил меня, не насиловал меня, и это главное. Однако мой рот не завязан, что очень странно.

Оглянувшись, я вижу, что это обычная маленькая комната. Этот человек явно небогат. Передо мной кровать, а слева от неё тумбочка. Посмотрев налево, я вижу, что похититель занавесил окно, потому что свет сюда не пробивается.

Внезапно дверь открывается, отчего я вздрагиваю. Посмотрев направо, я вижу мужчину примерно моего возраста. Он в толстовке и домашних штанах.

— Проснулась, красавица?

Да откуда, чёрт возьми, этот придурок меня знает?!

Он наконец-то включает свет, и я замираю с распахнутыми глазами. Накаяма Сэиджи. Мой одноклассник...

— Сэиджи, ты... Зачем ты...

Я не могу поверить в реальность происходящего, поэтому сижу с раскрытым ртом. Видимо, в тихом омуте и правда черти водятся. Этим человеком оказался он. Накаяма Сэиджи был влюблён в меня... со школы?

— Да, Сара-чан. Им был я. Им всегда был я и буду.

Подойдя ко мне, он сел передо мной на кровать.

— Красивые, молодые и богатые ведь всегда с себе подобными, потому что бедняки для вас как насекомые. Вы всегда топчите их ногами, ведь заботитесь лишь о самих себе.

Глядя на Сэиджи, я не знаю, что думать.

— С самой школы я любил только тебя, но тебе всегда было плевать. Ты не смотрела в мою сторону, ты смотрела в сторону того, кому ты никогда не была нужна. Шинджу всегда заботила лишь собственная персона. Ему никогда не было дела до кого-то ещё.

— Ты правда думаешь, что этими никому ненужными подарками ты смог бы завоевать мою любовь, когда всё это выглядело предельно жутко?..

Вдруг Сэиджи засмеялся.

— Я написал тебе записку, что по-настоящему люблю тебя.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? — я рявкаю. — Я никогда не буду интересоваться человеком, который оставляет под моей дверью разные подарки, а потом ещё и похищает меня!

— Для этого ты здесь и сидишь, Сара-чан, — он прикасается к моей левой щеке, а я подаюсь вправо.

— Что тебе надо от меня, Сэиджи?!

— Ничего особого.

Сэиджи внезапно притягивает меня к себе за край плаща. Я чувствую его дыхание на губах, потому что наши лица в сантиметрах.

— Зачем ты это делаешь?.. Ты ведь даже не знаешь, что у меня есть ребёнок.

— Ребёнок? Вы даже потрахаться успели, пока никто не видел?

Мне мерзко от его слов, но он сказал абсолютную правду.

— Я люблю тебя, Сара, поэтому я тебя не раздел и не связал. Ты мне важна, и я не идиот.

— Я не могу ответить на твои чувства, Сэиджи, — говоря это, я смотрю ему в глаза.

— Конечно, не можешь. Мне бы тогда пришлось насильно тебя у себя дома держать. Но я знаю, почему не можешь ответить.

Я смотрю на него, не зная, что мне вообще отвечать.

— Он в твоих мыслях. Ты привязана к нему и любишь его. Даже если он не любит тебя, ты утешаешь себя чувствами к нему.

Сэиджи как скальпелем вскрыл мою болезненную тему.

— Я знаю, что прав, — он улыбается.

Мой взгляд сразу пустеет, и слёзы так и норовят снова потечь. Отведя взгляд в сторону, я смотрю в пустоту, потому что это чистейшая правда. Я люблю Шинджу, даже если он не любит меня, поэтому остаюсь его женой и просто терплю, надеясь, что он сможет меня полюбить второй раз. Но я знаю, что этого не будет, потому что беременность сломала всю страсть.

— Но я знаю, как тебе помочь, Морита, — воодушевлённо предлагает Сэиджи.

— О чём ты? — я снова перевожу на него взгляд.

— Я могу тебя спасти, и я знаю, что тебе это понравится.

Я смотрю на него в непонимании. Внезапно его губы накрывают мои. Зачем он, чёрт побери, поцеловал меня?..

Я хочу отстраниться, но не могу, потому что не знаю, что сейчас чувствую. Так же внезапно я слышу, как он достал что-то откуда-то, а потом я чувствую... дуло пистолета на левом виске.

Не успев понять, что вообще произошло, меня полностью отключает.

2015 год

Мицуки

Мне четырнадцать лет, и я учусь в средней школе. Хотя я и ещё ребёнок, я уже поняла на себе всю боль и агрессию своей матери Исанами. Я так никому и не рассказала, что мать

меня фактически ненавидит за существование, потому что, когда она была молодой, то не смогла пойти в университет из-за давления бабушки по поводу моего рождения. В школе мне приходится делать вид, что я из хорошей полной семьи, потому что всё это неправда. Мой отец — Ито Нораё — защищал меня от моей же матери, чтобы она перестала меня бить и ругать при каждом удобном случае.

Мать сильно злоупотребляет алкоголем, из-за чего в нашем доме везде раскиданы пустые бутылки. Когда она напивается сверх нормы, в мою сторону опять летит град оскорблений, потому что я порчу ей жизнь тем, что просто существую. Порой она даже портила мою одежду, которая была куплена бабушкой Аканэ. Поскольку эти оскорбления никогда не заканчиваются, я привыкла к её эмоциональной реакции и принимаю это как норму. Да, я ошибка, дрянь, стерва, значит, так оно и должно быть.

Когда мне было десять, мой отец бесследно пропал, будто его никогда и не существовало. В тот день я поняла, что осталась один на один со своей глубоко несчастной матерью. Но я всего лишь ребёнок и никак не смогу поддержать её, потому что она мне просто не даёт это сделать и я учусь в школе.

Поскольку мать меня ещё и била, мне приходится скрывать эту кучу синяков, лишь бы никто из учителей не узнал, какой ужас творится у нас дома. И мне пришлось к этому привыкнуть, потому что я не хочу никаких проблем.

Сейчас перемена, и я сижу в коридоре, читая книгу. У меня длинные тёмно-коричневые волосы и чёлка. Всё это время, пока мои волосы росли, я поняла, что они меня раздражают и я очень хочу стрижку каре, но тогда придётся просить денег у бабушки Аканэ, потому что матери на подработке платят не так уж и много. Ей хватает покрыть только базовые расходы, как еда и счета.

Я учусь в одном классе с тем самым мальчиком, с которым познакомилась ещё в детстве. Его зовут Игараши Рэнджи. Его успеваемость в классе была лучше моей, но со временем он начал получать плохие оценки. Я видела, как жизнь и детская радость покидают его глаза. Мне всегда было интересно, что такого случилось у него, что он настолько изменился и его действия стали почти автоматизированными, но я не хотела лезть к нему, потому что мы не общались и это просто не моё дело.

Несмотря на мой интерес к тому, что с ним происходит, Рэнджи-кун для меня фон, потому что есть один мальчик из другого класса, в которого я, кажется, влюблена, если это можно так назвать. Я не знаю, как ему в этом признаться, потому что не уверена в том, что чувствую, а с одноклассниками я мало общаюсь, поскольку они могут заметить синяки. У меня нет даже одной подруги, с которой я могла бы это обсудить.

Пока я жду звонка на следующий урок, то слышу шаги справа. Из своего любопытства я отвлекаюсь от книги и поворачиваю голову в ту сторону. Это Абэ Футоши, тот самый мальчик из другого класса нашего потока, который мне нравится. Оглянувшись, я понимаю, что сейчас очень хорошая возможность сказать ему о своих чувствах, поскольку все сидят в классе.

Я поднимаюсь с пола и направляюсь к нему вместе с книгой. Увидев меня, Футоши-сан сразу же сдвигает брови в непонимании. Никогда не видела, чтобы дети моего возраста так реагировали на то, что к ним идёт такой же школьник.

— Привет, Абэ-сан, — здороваюсь я и завожу руки за спину.

— Привет... Ты, кажется, Цуки? — слегка невежливо обращается он, усмехаясь и оглядывая меня снизу вверх.

От его интонации и усмешки внутри что-то рвётся, потому что как бы я ни хотела это признавать, тон мне неприятен.

— Меня зовут Мицуки, Абэ-сан, — я слегка улыбаюсь, чтобы разбавить обстановку.

— А... Мицуки-сан. Ясно, нужно будет запомнить, — он задумывается.

— Я знаю, что мы редко пересекаемся в школе, но мне нужно тебе кое-что сказать, — я подхожу ближе, надеясь, что сильно не смущусь.

Футоши-сан засовывает руки в карманы и выгибает бровь, смотря на меня. Я не знаю, почему для меня такая поза выглядит как-то... высокомерно? Будто я недостойна даже его взгляда на меня.

— Интересно, что тебе нужно сказать мне, учитывая, что я правда почти тебя не знаю.

Я правда не знаю, как об этом говорить и с какой стороны зайти.

— Есть ли у тебя кто-то? — я отвожу взгляд, чтобы не смотреть ему прямо в глаза, потому что и так нервничаю.

— В каком смысле? — в его вопросе слышится ехидность.

Я думала, что Футоши-сан не поймёт, о чём я, и так было бы гораздо проще, но, похоже, он догадливей, чем мне казалось.

Сжимая пальцами книгу у себя за спиной, я понимаю, что мне нужно быть прямее, потому что он разговаривает точно так же.

— Есть ли на нашем потоке девочка, которая тебе нравится? — спрашиваю я, потому что боюсь, что он на самом деле кем-то занят.

Он снова ухмыляется, и в его глазах появляется недобрый азарт. Теперь уже Футоши-сан делает ко мне шаг, отчего я чувствую, как между нами резко сократилось расстояние, потому что мы стоим почти вплотную.

Мне не нравится, что он только что сделал, поэтому теперь я нервничаю уже из-за другого.

— Может, да, а, может, и нет, — он отвечает очень странно.

— В смысле?

— Ты спросила, я ответил, — он продолжает странно улыбаться.

— Ты неопределённо ответил, Абэ-сан, — я не знаю, почему сглатываю.

Стоя настолько близко рядом с ним, моё сердце сильно бьётся. Но не от волнения, а от страха. Я не знаю, почему мне страшно рядом со школьником моего возраста. Теперь я вообще жалею, что заговорила с ним. Надо было дальше страдать от неразделённой любви.

— Ты спросила это потому, что у тебя ко мне что-то есть, да? — в его тоне я слышу издёвку.

Футоши-сан так разговаривает, что мне теперь вообще не хочется ни в кого влюбляться. Я просто хочу дальше учиться и думать только об этом.

Я слегка киваю в знак согласия, смотря в сторону, потому что мне некомфортно на него смотреть.

— Как же там это делается... — выдаёт он.

Внезапно он хватается меня за левое предплечье и так же резко прижимает к стене, отчего я ощущаю боль, и моя книга вылетает из рук. Она прилетает на пол и открывается нараспашку. Усмехнувшись, Футоши-сан бросает быстрый взгляд на книгу и снова смотрит на меня. Видя перед собой его лицо, внутри всё сжимается от страха. Он припечатывает стену слева у моей головы и наклоняется ко мне. Между нашими лицами теперь ещё меньше расстояния. Я хочу его оттолкнуть, но у меня не хватает на это смелости.

— Чёрт возьми. Заговорить со мной смелости хватило, а сейчас в глазах столько страха, словно с тобой что-то делать собрались.

Я чувствую, что сейчас заплачу, потому что я никак не могла предположить, что это признание в любви дойдёт до такого.

— Мицуки-сан, почему тебе страшно-то? Мы ведь одного возраста.

Я не знаю, что мне делать в такой ситуации, потому что меня всю сковало.

— Умеешь целоваться, Мицуки-сан? — спрашивает он и кладёт руку на мне затылок.

Мне становится до такой степени страшно, что я думаю обо всём, что придёт в голову, кроме ситуации, в которой сейчас нахожусь.

— Как мне тебя трогать, чтобы тебе понравилось? — его дыхание опалает губы.

Внезапно он касается моих губ своими, и я вынуждена закрыть глаза. Я знаю, что должна как-то ответить на поцелуй, но я не хочу, поэтому жду чего-то, чего сама не знаю.

Футоши отстраняется на несколько сантиметров.

— И что же ты вся зажатая стоишь? Это была полностью твоя инициатива, а не моя, бедность ходячая.

— Что мне сделать, Абэ-сан? — спрашиваю я дрожащим голосом, всё так же глядя в пустоту.

— Ты не умеешь целоваться. Мне стоит тебя научить.

Я становлюсь живой куклой, потому что не знаю, что мне делать. Футоши сжимает моё левое запястье и прижимает меня к стене за него. Он фиксирует меня в одном положении, чтобы... я не смогла уйти.

— Приоткрой губы, — говорит он со сталью в голосе.

Но я не реагирую на него, потому что теряю связь с реальностью.

— Приоткрой губы, Мицуки-сан, — строго обращается Футоши, делая акцент на моём имени.

Мне приходится слегка открыть рот, чтобы он просто отстал.

— Отлично.

Он резко впирается мне в губы, целуя по-настоящему. Это не нежно, это грубо и отвратительно. Он делает всё, чтобы я поцеловала его в ответ, но я не хочу и не буду это делать. Его язык касается моей нижней губы и норовит коснуться моего языка, но сразу после этого Футоши сам отстраняется.

— Вот и всё, Мицуки. Больше тебе ничего не получить, ходячая бедность. Богатые должны быть с богатыми, а бедные останутся в канаве, потому что им надо знать своё место.

Только когда он отошёл от меня, я почувствовала, что по щекам потекли слёзы. Мне просто отвратительно, и теперь я больше никогда не позволю никому себя поцеловать. Будучи одной, реальность возвращается ко мне, и дыхание приходит в норму, хотя я всё ещё чувствую, как тело дрожит.

Хорошо, что я стою у стены, иначе, мне кажется, я упала бы на пол. Глубоко вдохнув, я выдыхаю и поднимаю глаза. Я застываю на месте, потому что вижу Рэнджи-куна. Между нами немало расстояния, поэтому я не могу разглядеть эмоции в его глазах, но точно вижу, что он удивлён тому, в каком я состоянии. Рэнджи-кун переводит взгляд на книгу, которая всё так же лежит на полу. Я тоже смотрю на неё, а потом снова на него. Он стоит на месте и не делает ни одного движения, чтобы поднять её с пола и отдать мне.

Я слышу звонок на урок, но мы оба смотрим друг на друга, и ничего больше не происходит. В душе закрадывается обида, потому что, если он всё видел, то почему ничего не сделал... Да, я знаю, что у него тоже какие-то проблемы, но мне можно было и помочь. Но потом я резко задумываюсь о том, что Рэнджи-кун не обязан мне помогать, ведь мы не общаемся. Я просто одноклассница, и ему нет никакого дела до меня, поэтому я отвожу взгляд.

Однако я чувствую себя одной и от этого поджимаю губы. Игараша Рэнджи возвращается в класс, потому что я слышу его топот. А у меня теперь травма, с которой мне нужно справиться самой.

Рэнджи

С исчезновения моей матери прошло шесть лет. Сейчас мне четырнадцать, а тогда было восемь. С того момента моя жизнь перевернулась на триста шестьдесят градусов, потому что от прежнего маленького меня мало что осталось.

Раньше я был активным и жизнерадостным ребёнком, но так на меня влияла только мать. Мне самому порой было легче забыть о существовании третьего человека в нашем доме — моего отца Игараши Шинджу. Он всегда пренебрегал мной и обращался как с вещью, но и к матери он относился точно так же. Его никогда не интересовало то, что мы чувствуем и думаем.

В такой обстановке любому было бы тяжело жить, а восьмилетнему мне ещё хуже, потому что я не совсем понимаю, какие поступки хорошие, а какие плохие. С детства мать учила меня заступаться за слабых, если какие-то плохие ребята пытаются им что-то сделать. Мой отец, наверное, тоже относится к «плохим», но за мою мать никто не заступался.

Хоть, когда я был совсем ребёнком, я сломал её куклу, но я никогда не хотел делать ей что-то по-настоящему плохое, потому что я не хочу быть таким, как мой отец. Я учусь с Ито-сан в одном классе, но я ничего о ней не знаю, кроме того, как выглядит её мать.

Моя детская радость медленно угасала все эти шесть лет, пока окончательно не угасла, и я превратился в очень грустного ребёнка с ужасным отцом. Он сказал мне, что матери теперь нет и нам нужно будет жить вместе так, как жили до, только теперь я вынужден был стать ещё более самостоятельным, чем был до этого. Я ощущал себя так, будто уже живу один, потому что присутствие отца — это только деньги. Он сказал мне не разговаривать с ним и позволить ему наслаждаться обществом себя самого. То же самое он попросил делать и меня — учиться быть одному и не нуждаться в людях, ведь чем меньше людей, тем меньше проблем.

Будучи мальчиком, который очень хотел общения, мне его могли дать только одноклассники. Но даже от них я абстрагировался, потому что не мог рассказать им то, что творилось в моей душе. Мне действительно было невероятно тяжело так жить, но я ничего не мог поделать. Или, может, и вовсе не хотел, чтобы кто-то ко мне лез, ведь отец сказал учиться быть одному, так как «в будущем мне это поможет».

Сидя за партой, краем глаза я увидел что-то странное. Хоть до начала следующего урока оставались считанные минуты, я вышел и увидел незнакомого мне школьника, уходящего в другую сторону от нас, а потом и эту девочку. Ито Мицуки. Она стояла, прижавшись спиной к стене, и тряслась. Я видел, как её плечи дрожат, значит, она плакала из-за него. Если дети и просто люди плачут, значит, их кто-то обидел, они расстроены чем-то. Подняв голову, Ито-сан пересеклась со мной взглядом. Я не знал, нужна ли ей была какая-то помощь, но, скорее всего, нужна. Однако я просто посмотрел на книгу, лежащую в коридоре, и ушёл обратно в класс, потому что не думаю, что это моё дело. Мы не общаемся, и вряд ли ей нужно моё вмешательство.

Уроки недавно кончились. Я стою в коридоре, оперевшись на стену и смотря в пустоту, потому что не знаю, что мне делать. Дом у меня был всегда, но это только на словах. Я не чувствую, что Игараши Шинджу мой отец.

Ко мне подходит другая девочка — Икэгучи Хасуми, брюнетка с длинными волосами, из-за которой Ито-сан для меня фоновый человек. Она наша одноклассница и, наверное, моя подруга, потому что она единственная, кто знает о моей семье. Она останавливается около меня, смотря с жалостью, потому что всё написано у меня на лице. Глаза, в которых нет жизни, и вечно хмурое лицо, словно мне не четырнадцать, а уже шестьдесят, и я старый дедушка.

— Я не могу на это смотреть, Рэнджи. Каждый раз, когда я вижу тебя, у меня ощущение, что ещё немного, и у тебя начнутся серьёзные проблемы с ментальным здоровьем, — высказывает Хасуми, скрестив руки на груди.

В ответ ей я усмехаюсь.

— Это не смешно, это очень серьёзно! Тебе нужен детский психолог! — она хмурит брови.

— Как только я зайду к психологу, она сразу же захочет поговорить с моим отцом, чтобы он уделял мне время и хотя бы как-то воспитывал. Отца это взбесит, и он скажет мне не доставлять ему проблем.

Хасуми знает о ситуации в моей семье, но она распахивает глаза в удивлении, как будто узнала об этом только сейчас.

— В смысле проблем? Ты не проблема, ты его биологический сын, о котором он по закону должен заботиться, ведь ты ребёнок, которому требуется нормальная жизнь с родителем.

— Спасибо, Хасуми. А теперь скажи это ему. Четырнадцатилетняя девочка умнее взрослого мужчины, — я хмыкаю.

— Мне пятнадцать, если ты забыл, — Хасуми подходит ко мне ещё ближе, поэтому я смотрю на неё сверху вниз. — У меня день рождения в феврале.

— Значит, пятнадцатилетняя девочка умнее моего отца, верно.

— Идём к психологу, Рэнджи, — настаивает она.

Когда мы шли по коридору и спускались по лестнице на первый этаж, некоторые одноклассники и школьники с других классов странно на меня смотрели, потому что я не общаюсь ни с кем, кроме Хасуми. Очень надеюсь, что они не подумали что-то лишнее по типу того, что между мной и Хасуми есть какие-то ещё отношения. Всё-таки мне только четырнадцать, а ей пятнадцать, и единственное, о чём я думаю — это учёба и что мне делать дальше со своей жизнью.

Мы дошли до кабинета школьного психолога, и теперь у меня возникает ступор. Я ещё никогда у него не был, поэтому все мысли о том, что говорить, внезапно разбежались в стороны.

— Рэнджи, заходи. Я подожду тебя здесь, — говорит она, стоя сбоку от меня.

— Ладно, спасибо, — я бросаю на неё короткий взгляд, и она кивает.

Я два раза стучусь в дверь, а потом захожу к ней. Женщина со светлыми волосами печатала что-то на компьютере, но как увидела меня, сразу перевела взгляд.

— Здравствуйте. Я хотел бы с вами поговорить о своих проблемах, — я говорю это именно так, потому что не знаю, как начать разговор.

— Здравствуй. Снимай рюкзак, клади его на стул и присаживайся.

Я делаю то, что она сказала, и сажусь на стул перед ней. Психолог складывает руки перед собой, спокойно смотря на меня.

— Как тебя зовут?

— Игараши Рэнджи.

— Хорошо... Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Что у тебя случилось? Какие именно проблемы? С учителями что-то не заладилось? Или одноклассники что-то плохое сказали?

Отведя взгляд в сторону, я слегка улыбаюсь, потому что не знаю, как начать разговор, и переживаю, что она захочет поговорить с моим отцом. А тогда он разозлится и скажет, что я мешаю ему спокойно жить.

— Понимаете... Я не такой ребёнок, как остальные...

Она смотрит на меня так, будто я не сказал ничего нового. Наверное, до меня много детей это говорили.

— У меня проблемы в семье, которые, я даже не знаю, как объяснить... — моё сердце бьётся быстрее от волнения.

— Какие именно проблемы?

После её вопроса я замолкаю, потому что мне страшно. В моих мыслях уже образ злого отца, который кричит на меня.

— Чего ты боишься, Игараши-сан?

— Что вы попросите номер отца и позвоните ему, — выдыхаю я.

— Так... — психолог задумывается, — проблемы с отцом... Хорошо... А что с твоей мамой?

Перед тем как идти к ней, я знал, что болезненная тема вскроется и от этого не сбежать. Но я ведь пришёл сюда высказаться, поэтому мне нужно поделиться хотя бы с кем-то.

— Мамы нет. Она пропала и, наверное... — я снова замолкаю, потому что слёзы подступают к глазам.

Психолог меняется в лице, потому что она поняла, что мама мертва.

— Что ты можешь сказать об отношениях своих родителей? Они любили друг друга?

Глядя на её стол, я отрицательно мотаю головой.

— Папа бил маму или они просто ссорились?

— Не бил, но они ссорились и жили, как незнакомые люди.

— Что говорили бабушка и дедушка с обеих сторон родителей?

— Я не знаю, родители не поддерживали с ними контакт.

— Папа скучает по твоей маме?

Этот вопрос больно режет мне по сердцу, потому что я знаю, что ему было плевать. Он просто увидел, что мама пропала, но ничего не предпринял.

— Нет, — коротко отвечаю я.

— Что ж... Это сложно. В каких отношениях ты с папой? Как он к тебе относится? Хвалит, часто обнимает, помогает с уроками, дарит подарки?

— Ничего из этого, — мой взгляд снова пустеет.

— И из-за этого тебе тяжело. Что папа не хочет с тобой разговаривать. Тебе четырнадцать лет, и ты всего лишь ребёнок, который хочет отеческой заботы, но не получает её, — высказывается она.

— Я уже не знаю, чего хочу. Папа сказал мне, что я должен учиться быть один, потому что в будущем мне это поможет.

Психолог в удивлении поднимает брови и протяжно вздыхает.

— Мне действительно нужен разговор с твоим отцом, но ты не хочешь, Рэнджи-сан. В таком случае, больше общайся с одноклассниками и учителями. И если есть возможность, поговори с бабушкой и дедушкой.

Я усмехаюсь, потому что так и думал, что мне этот разговор особо не поможет, но я хотя бы выговорился.

— Ладно, спасибо вам, психолог-сама.

Она кивает мне в знак согласия. Встав, я снова надеваю рюкзак на плечи и выхожу из её кабинета. Хасуми, стоявшая справа от двери, сразу подходит ко мне.

— Ну что? Что она сказала, Рэнджи?

— Ей нужен разговор с моим отцом, но я сказал, что мне это не надо. Я выговорился, она посоветовала мне больше общаться с одноклассниками и учителями.

— Тебе стало легче? — я вижу в её глазах искреннее волнение.

— Немного да, но мне нужно время на восстановление. Я пойду домой, всё равно делать нечего.

— Хорошо... — с ноткой грусти соглашается Хасуми.

2016 год

Мицуюки

С каждым днём я чувствую, как моя жизнь становится всё хуже. Дышать становится тяжелее, и ментальное состояние нуждается в восстановлении, но всё скатывается в кошмар.

Я не хотела возвращаться в наш маленький дом, потому что в октябре прошлого года мама завела себе любовника, который мне максимально отвратителен, хоть я её биологическая

дочь и жила там, где мне и надо. У нас с матерью и так стало намного меньше общения, чем его вообще было, потому что мы мало разговаривали, мы просто существовали в одном месте. Всё своё время она посвящала этому мужчине, которого зовут Сэиджи. Я к этому привыкла и, наверное, благодарна ей, что со мной она почти не общалась. Моя жизнь ей неинтересна и мне её тоже.

Однако в один день мне не повезло. Я вернулась домой после уроков и застала там Сэиджи. Он у нас даже не жил, но мама разрешила ему оставаться у нас на ночь, несмотря на мой дискомфорт. Я уже и так поняла, что мама оставила ему ключи от нашего дома и это одно из её ужасных решений. Сэиджи, мужчина возраста моей матери, начал кидать на меня странные взгляды и пытаться трогать. Но уже тогда я поняла, что у меня есть только я, потому что матери плевать, что я чувствую, а бабушка болеет и лежит в кровати.

Я сказала Сэиджи, что его женщина — это моя мать, и пусть он просто отстанет от меня, но он не отстал, потому что ему стала интересна именно я и это хуже всего.

После навязчивого внимания Сэиджи у меня появился страх мужчин. Мне стало не по себе даже находиться рядом с парнями в школе, и я отходила на безопасное расстояние.

В один момент мне стало страшно за себя, ведь я не хочу, чтобы Сэиджи делал мне больно. Я решила обратиться к учителям в нашей школе, потому что больше не к кому. Мне было стыдно рассказывать одноклассницам, что со мной хотят что-то сделать, и я всё ещё не дала отпор. Но в то же время я понимала, что я не смогу защитить себя от Сэиджи из-за того, как меня всю сковывает страх при нём.

После моего рассказа учителя сразу же забили тревогу. К нам домой пришли представители опеки и забрали меня с собой. Сэиджи должны были дать четыре года тюрьмы, но не дали, потому что нет доказательств. Да, мне было обидно, что он не получил наказание в виде тюремного заключения, но я так и думала, потому что поняла, что мир жесток и несправедлив. Особенно когда это касается жертв.

За мной всё ещё должен кто-то следить и обеспечивать меня. Бабушка недавно умерла, что означает, что моей опекуницей она не станет, но со мной связалась учительница математики Такахашаи-сэнсэй. Она-то и стала моей опекуницей и сказала, что я могу жить в квартире, которую она сдаёт. Такахашаи-сэнсэй стала моей приёмной матерью.

Это маленькая квартира на втором этаже в белом двухэтажном доме, находящемся не так далеко от моей школы. Мне и не нужен был дворец принцессы, поскольку после происходящего в нашем доме эта квартира оказалась для меня островком безопасности, где я могу всегда быть одна, и, если что, закрыться на цепочку, и меня никто не тронет.

В квартире, принадлежащей Такахашаи-сэнсэй, есть всё то же самое, что и было у меня дома, так что ничего нового я для себя не увидела, кроме как то, моя самостоятельная жизнь началась слишком рано.

Я сижу в школьной форме на своей кровати, одеяло которой такое же серое, как и моя жизнь, и смотрю в стену перед собой. Я действительно теперь одна. Матери без меня будет намного лучше, как и мне без неё, потому что пусть она продолжает проводить время с тем мужчиной, а я буду жить тут одна и никого не пускать к себе.

Однако почему-то к глазам подступают слёзы, хотя сейчас всё именно так, как я хотела. Одиночество и единение с самой собой. Всё ведь хорошо, потому что нет матери и Сэиджи, но на самом деле нет ничего хорошего. Всё хорошо лишь на словах, потому что я в безопасности, но фактически всё ужасно, потому что я теперь одинокая сирота.

Я беру в руки концы своих тёмных волос, которые доросли до самой талии. Встав с кровати, я иду в ванную комнату, чтобы отрезать их, как символ того, что я избавляюсь от жизни со своей матерью и Сэиджи.

Я включаю свет и захожу в ванную. На раковине лежат серые металлические ножницы, которые недавно мне дала Такахашаи-сэнсэй, но эти ножницы не для бумаги, а для волос.

Подойдя к раковине, я смотрю в зеркало, как из моих глаз текут слёзы боли и отчаяния. Обычно в таком состоянии людям нужна поддержка своих друзей, но в моём случае надо справляться со всем самостоятельно, ведь я не думаю, что моё присутствие в чьей-то жизни так важно.

Взяв ножницы в правую руку, я раскрываю их и беру прядь волос слева. Слёзы льются сильнее, и моё дыхание становится глубже из-за какой-то обиды. Я отрезаю волосы, и они летят на пол. Я снова смотрю в зеркало на себя, мои глаза уже начинают краснеть от нервов, но начало положено.

Я отрезаю волосы ещё и ещё, пока не сделаю сама себе своё долгожданное каре.

Наконец-то волосы больше не мешают мне, потому что они подстрижены до самого подбородка. Для меня это маленькая радость, поэтому видя свои уже заплаканные глаза, у меня получается искренне улыбнуться.

Глава 1

Мицуки

Настоящее время (Ноябрь 2018 года)

Я в очередной раз разлепляю глаза под жужжание будильника. Ежедневное напоминание, что я всё ещё не закончила школу и живу как робот. Делаю одно и то же каждый день: просыпаюсь, собираюсь в школу, сижу на уроках, возвращаюсь домой, делаю уроки и параллельно готовлюсь ко сдаче экзамена. Моя жизнь уже давно потеряла прежние краски, отчего моим любимым цветом стал серый. Из светлой девочки, которая верила в свою будущую лучшую жизнь, я превратилась во вредину, вечно закатывающую глаза и всегда ходящую по улицам и коридорам школы с недовольным лицом. Хотя мне и исполнилось вчера восемнадцать лет, для меня ничего не изменилось. Моя квартира, улица и школа — всё в серых цветах, потому что я не знаю, чему мне радоваться в этой жизни.

Я настолько утопила саму себя в меланхоличной атмосфере и бесконечной подготовке к экзаменам, что попросила деньги у Такахашы-сэнсэя на осветление и перекраску волос. Всё позитивное и светлое во мне до такой степени угасло, что я перенесла это даже на свою внешность. Кареглазая школьница с пепельным удлинённым каре.

Но я утопила себя в такой атмосфере из обиды на свою мать Исанами. Моя мечта — найти хорошую работу и заработать много денег, чтобы жить в своё удовольствие для самой себя и ни в чём не нуждаться. Всё это отголоски бедной жизни с матерью, которую я сейчас даже видеть не хочу, потому что ненавижу её.

Вот я снова повторила все те же базовые действия и уже стою в одежде: серые колготки, чёрные кроссовки, чёрная школьная форма сейлор-фуку с матросским белым воротником и бантом и тёмно-серый плащ с таким же серым шарфом в клетку.

Подобрав свой серый «недевичий» рюкзак с брелоком белой кошки манэки-нэко на переднем кармане, я натягиваю его себе на спину, открываю серую дверь квартиры и выхожу на улицу.

Я уже поняла, что сегодня погода такая же серая и хмурая, как и я весь этот год. Смотря со второго этажа на асфальт, я замечаю лужи на дорогах. Похоже, ночью был дождь. Я разворачиваюсь обратно к двери и закрываю её на ключ, как это делает всегда любой человек.

Несмотря на то, что я привыкла к этой квартирке и в целом месту моего нынешнего жительства, меня напрягает один мой сосед, живущий со мной на одном этаже, только он живёт в начале, а моя квартира находится в самом конце, потому что четыре квартиры на один этаж.

Этот мужчина поселился в нашем доме как три месяца, и судя по музыке, доносящейся с его квартиры, и запаху алкоголя и сигарет, он очень любит развлекаться. Я так толком и не смогла разглядеть его лицо, но ходит он почти в одном и том же: толстовки, куртки, джинсы и спортивные штаны.

Кинув ключи в карман плаща, я направляюсь к лестнице со второго этажа. Как обычно, я снова почти ухожу в свои мысли, как дверь той первой квартиры открывается. Похоже, мы вышли в одно время, только вот он пойдёт на работу. Я совсем не горю желанием смотреть на соседа, но всё же я поднимаю голову, и мы встречаемся взглядами. У него тёмные волосы, он точно старше двадцати лет, и у него шрам, начинающийся с левой брови и заканчивающийся на щеке. Он всё в той же обычной одежде: куртка и джинсы. Только вот этот шрам на его лице выглядит весьма пугающим.

Мы встретились взглядами всего-то на минуту, и я уже снова смотрю на лестницу с прямогольными бледно-голубыми вставками впереди меня.

— Доброе утро, соседка, — зачем-то приветствует меня этот незнакомец.

— Доброе утро, оджи-сан, — я отвечаю только из вежливости, потому что он старше.

— Вроде как видел тебя. Школьница, да? — следуя за мной по лестнице, он усмехается.

Несмотря на то, что это стандартная ситуация общения двух людей, живущих в одном доме на одном этаже, мне уже некомфортно, потому что он спускается сзади меня.

— Да, оджи-сан, — отвечаю я ровным тоном.

Порой мне кажется, что я преувеличиваю и отношусь ко всем мужчинам с подозрением, но это помогает мне уберечь себя.

— В каком ты классе? Выглядишь достаточно взрослой.

Спустившись по лестнице на улицу, я чувствую его взгляд между лопатками.

— А зачем вам это знать?

— Просто, как я понял, ты одиночка, раз живёшь в такой квартире. Дети ведь должны с родителями жить, — я знаю, что он улыбается.

Я сразу же сворачиваю направо, потому что каждый день так хожу в школу, а он идёт за мной и пытается нагнать меня.

— Где твои родители, соседка? — я прячу лицо в шарфе, пока он пытается идти со мной вровень. — Ты что, совсем одна?

— Я просто иду в школу, оджи-сан.

Незнакомец своим присутствием не то что пугает меня, он раздражает.

— Я же вижу, что тебе лет немного. Почему одна-то живёшь?

Он три месяца живёт в нашем доме, и встретились мы только сейчас. А лучше бы вообще не встречались.

Из-за того, что он продолжает идти со мной и слегка касаться моей правой руки, я вынуждена прибавить скорость, чтобы быстрее от него отойти и уже оказаться ближе к школе.

— Что ты такая неразговорчивая, что даже компанию мне составить не можешь? — говоря это, мужчина догоняет меня. — Как тебя зовут? Номерок дашь?

Почему этим чёртовым представителям противоположного пола всегда хочется пристать к молодым девушкам? Неужели настолько сложно строить отношения со взрослыми девушками?

— Я не хочу разговаривать, оджи-сан. Мне нужно думать о школе и об уроках, а вам нужно идти на работу, — устало отвечаю я.

Я знаю, что это не последний случай, когда мне придётся защищать себя от потенциальной угрозы, потому что и раньше так было, и именно со мной. Все взрослые мужчины считают обязательным подойти и познакомиться с молодой девушкой.

Следуя в школу побыстрее от него, я слышу, как он цокает языком и вздыхает. В таких ситуациях я всегда думаю о том, насколько хорошо мужчина меня запомнил. Потому что, если запомнил хорошо, он может позвать своего друга, чтобы зажать девушку где-то в тёмном переулке, где... никто не услышит её криков. Но данный случай ещё хуже, потому что мы соседи, и если он понял, что моя квартира последняя на этаже, то я даже не знаю, что мне делать. Не переезжать ведь, потому что это везение, что Такахаша-сэнсэй стала моей приёмной матерью.

Пока я думаю, как обеспечить себе безопасность, я даже не замечаю, насколько быстро иду и насколько сильно бьётся моё сердце. Такое ощущение, что я на физкультуре круг бегу, а не по улице иду.

Приближаясь к школе, чувствую, как, на меня снова накатывает недовольство. Я слышу, как рядом со мной смеются какие-то дети, видимо, из начальной школы. Поскольку я учусь в выпускном классе, меня раздражает слышать то, как дети в прямом смысле смеются и весело общаются друг с другом, будто это парк развлечений, а не учебное заведение.

Я слегка поворачиваю голову направо и вижу, как две девочки с фиолетовыми рюкзаками идут вместе чуть ли не вприпрыжку. Смотря на эту картину, я хмурю брови, потому что мне непонятно, что такого весёлого в том, чтобы сидеть на уроках до восемнадцати лет.

Детский смех тут же прекращается, потому что обе девочки заметили меня. Я не собираюсь делать вид, что не смотрела на них. Я действительно шла рядом, и меня раздражал звук их заливистого смеха.

Отвернувшись от них, я тут же прибавляю шаг и иду в открытые металлические ворота своей школы. Впереди я вижу старосту нашего класса и по совместительству мою подругу — Гото Асами. Наша школа уже давно отменила строгие правила насчёт внешности, и Асами стала одной из первых, кто покрасил свои волосы, она блондинка.

Асами поднимается по лестнице и заходит в школу. Я делаю то же самое и тяну дверь на себя. Поскольку нам и сменку отменили, то я просто прохожу к своему шкафчику, открываю его и кладу туда шарф. Я снимаю свой тёмно-серый плащ, аккуратно складываю и тоже кладу его в шкафчик. Закрыв дверцу, я проворачиваю ключ в отверстии.

— Мицуки-чан, ты пришла! — восклицает Такахаша-сэнсэй.

Я больше ожидала, что меня поприветствует Асами, но её шкафчик находится с другой стороны.

Развернувшись спиной к шкафчикам, я вижу свою приёмную мать. Она стоит в обычной офисной одежде и держит какую-то синюю папку. Такахаша-сэнсэй всегда была улыбчивой и обаятельной женщиной, потому что на неё засматривались даже парни нашего класса. Поэтому мальчики меня и пугают своим интересом ко взрослым женщинам. Я всегда считала, что все люди должны строить отношения с теми, с кем маленькая разница в возрасте, либо одноклассники.

— Доброе утро, сэнсэй, — усталым голосом отвечаю я и кланяюсь.

В моих глазах всё те же недовольство и усталость. Эти эмоции сэнсэй видит каждый день. Порой я удивляюсь, как не надоела ей своим унынием.

— У меня для тебя важное поручение, Мицуки-чан, — тон её голоса с беззаботного резко переходит к серьёзному.

Смотря на неё, я спрашиваю глазами, что за важное поручение.

— Как ты знаешь, в следующем году вам сдавать экзамен, а потом готовиться ко вступительным экзаменам в университет и заканчивать школу, — говорит она то, что знаем все мы.

— Да, сэнсэй...

— Успеваемость Игараши-сан в этом году ухудшалась с каждым днём, и это очень сильно волнует меня и его отца.

Рэнджи-сан и правда очень изменился с тех пор, как мы были в средней школе, но я не интересовалась его жизнью.

— Его отца очень сильно напрягает положение Игараши-сан в школе, потому что... — Такахаша-сэнсэй делает паузу, а я жду, пока она закончит предложение. — Есть вероятность его исключения из школы.

Я вижу, как она нервничает, хотя обычно учителям нет дела до какого-то там очередного старшеклассника, прогуливающего уроки. Я действительно стала реже видеть Рэнджи-сан в школе, будто он и вовсе забыл, что такой же выпускник, которому надо побольше времени уделять учёбе, но мне правда особо никто не интересен, кроме самой себя, и я не считаю, что это плохо.

— Хорошо, сэнсэй. А почему вы говорите это мне? — от непонимания я слегка хмурюсь.

— Это и есть важное поручение, Мицуки-чан. Ты должна помочь ему наверстать упущенное, чтобы он закончил школу, — она говорит со всей серьёзностью, пока я потупляю взгляд в пол.

Моя жизнь сейчас перевернулась с ног на голову, потому что я — очень плохой выбор того, кто поможет Рэнджи-сан. Хотя я и круглая отличница, эти оценки дались мне с трудом,

потому что я вынуждена быть отличницей из-за того, что живу в квартире Такахашаи-сэнсэя. Наши отношения вовсе не тёплые, а скорее просто условные, так как хоть она и приёмная мать, сэнсэй более функция, нежели женщина, которая заботится обо мне. Она действительно поставила мне условия, что я живу в квартире за оценки.

— Найдите кого-то другого, сэнсэй, — говорю я, всё ещё глядя в пол с широко распахнутыми глазами.

— Это важное поручение лишь для тебя, Мицуки-чан. Ты забыла, что живёшь в квартире за хорошие оценки? Я не могу требовать с тебя оплату, потому что ты учишься в школе.

— Не я одна хорошо учусь, сэнсэй, — в моём голосе скользит нотка волнения. — Я не смогу помочь ему изучить программу, у меня самой с учёбой отношения натянутые.

— Мицуки-чан... — предупреждающе говорит Такахашаи-сэнсэй.

— Почему не Гото Асами? Она староста, прилежная ученица, и ей легко даётся учёба.

— Потому что. Выпуск в марте следующего года. Если ты не начнёшь с ним заниматься, ты рискуешь потерять моё расположение.

Лицо сэнсэя резко меняется, и теперь передо мной действительно строгая учительница.

— Понятно, Мицуки-чан? — теперь в её глазах только холод.

— Да, хорошо, сэнсэй, — вынужденно соглашаюсь я и кланяюсь.

Она уходит с этой папкой готовиться к началу своего урока, а я опираюсь на шкафчики спиной, потому что не знаю, что делать. Как мне вообще поговорить с Рэнджи-сан, учитывая, что я даже не знаю, пришёл ли он в школу? Нет, ключевое даже «придёт ли».

Он правда изменился, и я не знаю, насколько сложно будет найти подход к нему, учитывая, что из отличника класса он превратился в ленивого школьника. В груди отзывается болью и волнением то, что теперь я как «мамочка» должна помогать ему по учёбе, когда мне самой бы кто помог.

Когда я не могла понять тему по той же физике, а на следующий день была контрольная, мне приходилось объяснять самой себе с перерывами, и то я не до конца понимала, но мной управляло лишь отчаяние. Или же могла зубрить математику так долго, что не замечала, что за окном уже ночь, и в итоге отрубалась прямо на столе, а через время просыпалась в панике и страхе, потому что не поняла, что произошло. Иногда ходила в школу со стеклянными глазами, потому что не спала всю ночь, но на уроке присутствовать надо. И таким образом я не пропустила ни одного занятия в году, что напугало даже моих одноклассников. Некоторые уже шутят, что я задротка, которая не умеет общаться, а только учиться.

Я сажусь на корточки и расстегиваю передний карман рюкзака. Мне нужно узнать, сколько времени до начала урока, чтобы я смогла поискать Рэнджи-сан. Я достаю телефон из кармана и нажимаю боковую кнопку. Первый урок начнётся в 8:30, сейчас 8:10, у меня есть двадцать минут, чтобы найти его и поговорить с ним. И говорить с ним я буду почти первый раз, несмотря на то, что мы учимся в одном классе всю жизнь.

Я возвращаю телефон обратно в карман рюкзака и встаю с пола. Надев рюкзак обратно себе на спину, я вновь иду к дверям, потому что не думаю, что Рэнджи-сан резко изменил своё отношение к учёбе и уже сидит, ждёт звонка на урок.

Выходя на улицу, я даже забываю о том, что на мне нет верхней одежды, да и мне некогда снова одеваться, потому что времени и так мало. Я не обращаю внимания на лёгкий холод, пробирающийся мне под одежду. На месте сразу не замёрзну, можно и потерпеть.

Я стою на крыльце и рассматриваю всех школьников в надежде увидеть Рэнджи-сан. Но увидеть его не так уж и сложно. Он заметный и даже очень, потому что тоже крашенный. У него серо-зелёное мелирование и чёлка.

Я замечаю Рэнджи-сан довольно быстро. Он стоит справа на траве в своей чёрной куртке вместе со своими друзьями, которые... явно не учатся в нашей школе, и вообще они выглядят как взрослые мужчины.

Видя трёх парней вокруг него, мне страшно подходить, потому что на фоне этой компании я буду выглядеть слишком странно. Но я понимаю, что подойти мне всё равно придётся, иначе я останусь жить непонятно где.

Глубоко вдохнув, я выдыхаю и иду к Рэнджи-сан. Мне абсолютно плевать на его друзей, и я иду к нему, чтобы решать его же проблемы.

Заметив моё приближение, Рэнджи-сан резко перестаёт разговаривать и смотрит на меня, и его друзья делают то же самое. Боже, я не люблю такое пристальное внимание.

— Рэнджи-сан, — обращаюсь я и чувствую, как уже замерзаю.

Я стараюсь не смотреть на этих парней вокруг него, но я уже волнуюсь и сжимаю пальцами ткань юбки.

— Мицуки?.. — говоря моё имя, он осматривает меня с ног до головы.

Видя его перед собой, я замечаю, как он на самом деле изменился. Ранее он казался добрым мальчиком, потом стал холодным, а теперь и вовсе я вижу в его зелёных глазах какую-то игривость и любопытство.

Но Рэнджи-сан обратился ко мне неформально, на что я даже не знаю, как реагировать, потому что мы не друзья.

— Мне нужен разговор с тобой, Рэнджи...-сан, это важно, — серьёзно говорю я, зная, что сейчас у меня холодный взгляд.

— Разговор? Со мной? — он улыбается, явно застигнутый врасплох.

— Да.

Его друзья всё поняли, поэтому отходят от нас двоих. Сейчас мне будет менее страшно разговаривать.

— Что за разговор? — скрестив руки, он спрашивает с улыбкой и лёгким любопытством.

— Наша учительница математики, Такахаша-сэнсэй, она сказала мне, что ты под угрозой исключения из школы.

Я говорю всё как есть, ничего не утаивая, потому что не вижу в этом смысла.

Рэнджи-сан усмехается уголком губ мне в ответ, хотя я ничего смешного не вижу.

— Да, я знаю, отец мне тоже об этом говорил, однако я всё ещё школьник и всё ещё хожу в школу, — он делает ходящее движение пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.